

Сергей Антонов

Чернобыль. Бог погребального огня

16+

# Сергей Валентинович Антонов

## Чернобыль. Бог погребального огня

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=42952895](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42952895)*

*SelfPub; 2019*

### **Аннотация**

Чернобыльская катастрофа была только началом. Черное божество, повелевающее погребальным огнем, ждет своего часа, чтобы испепелить Землю. Сможет ли смельчак, случайно узнавший страшную тайну, нарушить планы пожирателя жизни?

# Содержание

1	4
2	12
3	13
4	16
5	21
6	24
7	26
8	29
9	31
10	34
11	37
12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# 1

На фоне серой громады замка двое парней и девушка казались лилипутами, осмелившимися приблизиться к жилищу великана. У подножия горы простирался луг, прорезанный серебристой лентой Днепра. Сумерки уже вползали в низину, но на шпилях двух сторожевых башен еще играли лучи заходящего солнца. Парень с коротким ежиком рыжих волос взглянул на наручные часы и повернулся к спутникам.

– Он не придет. Сейчас у сторожей пересменка и времени терять нельзя.

– Неудобно как-то, – заметил долговязый подросток. – Я здесь вообще не при делах. Потом сами скажете, что на все готовенькое пришел.

– Не скажем. Между прочим, это я большую часть лаза прорыл и до той расселины я тоже докопался!

– Может, еще немного подождем, Дениска? – попросила девушка.

– С меня хватит, Катя! Больше часа здесь топчемся!

Девушка, тяжело вздохнув, воздержалась от дальнейших возражений и последовала за юношами в заросли кустов у подножия замка. Из-под груды сухого валежника они достали две штыковые лопаты.

Роли были распределены заранее, и пока парни выбрасывали землю, которой была присыпана ржавая дверь подвала,

Катерина внимательно смотрела по сторонам, готовая в любой момент подать сигнал тревоги.

По мере того, как лопаты выбрасывали новые порции грунта, делал свое дело вес двери. Она все больше наклонялась и, вскоре щель между кирпичной стеной и толстым стальным листом стала достаточно велика для того, чтобы туда мог пролезть человек.

Девушка покинула свой пост и начала протискиваться вслед за парнями в сырую темноту подвала.

Долговязый вынул из кармана плоский фонарик. Луч света уткнулся в заплесневевшую стену, скользнул по сводчатому потолку.

Осторожно ступая по битому кирпичу, троица углубилась в недра подвала и остановилась в одном из тупиков. На стыке земляного пола и массивной стены зияло темное отверстие.

– Неделю эту стену долбили, – тихо, но с гордостью сообщил рыжий своему спутнику. – Сейчас сами увидите, что не зря копыя ломали!

– А почему шепотом? – хихикнул долговязый. – Наверное, боишься разбудить здешних жмуриков?

Все вновь посмотрели на темный зрачок лаза. Долговязый присел на корточки и направил луч фонарика в отверстие.

Лезть по узкому тоннелю было занятием не из приятных: в ладони то и дело впивались острые камешки, за воротник сыпалась земля.

Через два десятка метров путешествие на четвереньках

закончилось. Лаз резко расширился и окончился большой расселиной. Фонарик вырвал из темноты нагромождение камней в центре грота, земляные стены которого образовывали грубую округлость. Последней вниз спустилась девушка. Она с опаской взглянула на переплетение узловатых корней над своей головой. Те напоминали толстых удавов, которые замерли в ожидании того момента, когда можно будет напасть на добычу и сдвинуть ее в смертельных объятиях.

– Вот так дела! – восхищенно прошептал долговязый, вода фонариком из стороны в сторону. – Катька, у тебя пятерка по истории. Что это за чертовщина?

Девушка недоуменно покачала головой.

– Ян Хадкевич построил замок в середине четырнадцатого века...

– Ну и?

– Он был деревянным, а здесь, – Катерина присела на корточки и принялась разгребать руками землю. – На такой глубине каменного пола просто не может быть!

Тем не менее, слой грунта скрывал плотно пригнанные друг к другу куски твердого, с красноватыми прожилками сланца.

– Тутанхамон отдыхает! – усмехнулся рыжий.

Луч фонарика вновь замер на груде камней. Теперь все заметили, что она была не просто хаотичным нагромождением, а подчинялась некой закономерности. Первой ее секрет разгадала девушка.

– Ну и чудище! Это идол!

Восседавшего на каменном возвышении монстра могло придумать только больное воображение. Грубые, с острыми краями, испещренные оспинами впадинок, камни образовывали фигуру сутулого старика. Он сидел на корточках, подпирая квадратный подбородок ладонями. Неведомые ваятели не слишком старались передать детали скульптуры. Узкие губы идола были намечены двумя извилистыми линиями. Один из камней выдавался вперед, образовывая обезьяний нос с глубокими ноздрями. Эффект выпученных глаз достигался благодаря грубо выбитым концентрическим окружностям. Чуть ниже находились углубления, символизировавшие морщины на отвислых щеках. В расщелине между двух камней, образующих грудь, висел маленький, круглый амулет.

Поражали пропорции монстра. Сведенные вместе пятки образовывали с толстыми голеньями неестественный угол. Руки были настолько длинными, что если бы идол встал, достали бы до земли. Гениталии исчезали под складками толстого брюха, заканчиваясь за спиной раздвоенным, бугристым хвостом. При всей своей непропорциональности идол походил на человека, что делало его еще страшнее.

Увлеченная осмотром троица совсем позабыла о времени. Свет фонарика становился все тусклее и грозил вскоре погаснуть вообще.

– Пора сматывать удочки, – долговязый кладоискатель

приблизился к идолу. – Что-то неохота мне с этим букой в темноте оставаться. – Маленький трофейчик на память...

Пальцы юноши коснулись амулета на груди каменного монстра. Истлевшая бечева, на которой держался фетиш, будто только и ждала этого прикосновения. Она порвалась с коротким, сухим треском. Земляные стены задрожали. Тонкое, пронзительное завывание разбудило дремавшие вверху корни деревьев. Они начали извиваться, отряхивая с гладких туловищ налипшую землю.

Рыжий, не дожидаясь продолжения, карабкался к спасительному лазу. Сквозь струи земляного дождя Катя видела, что юноша с амулетом в руке не двигается. Пугало отстраненное выражение его лица. Завывание, шедшее ниоткуда и отовсюду, стало невыносимым для человеческого уха.

Девушка сжала голову ладонями, словно опасаясь, что та взорвется. Один из корней, плотоядно извиваясь и взрывая землю, добрался до отверстия в стене.

Тугие кольца сдавили лодыжку беглеца, и только ужас, придавший юноше силы, позволил ему сильным рывком освободить ногу. Трофеем деревянного удава стал кроссовок, который моментально превратился в бесформенный комок кожи.

Метаморфозы продолжались. Из стен ударил болезненный зеленовато-желтый свет. Катя зажмурилась и, вытянув вперед руки, двинулась по направлению к стене, у которой, охраняя лаз, замер древесный корень. Он дернулся в сторо-

ну девушки и выбил фонтан земляных брызг в сантиметре от ноги Кати.

Девушка карабкалась наверх, преодолевая сопротивление воздуха, ставшего густым и горячим, как расплавленный свинец. Протискиваясь внутрь, зацепилась головой за верхний край лаза и оставила на нем клочок волос. Свет, теперь оставшийся позади, бросал зеленые отблески на земляные стены тоннеля. Неистово работая локтями и коленями, девушка преодолевала метр за метром.

Через несколько, показавшихся вечностью минут, Катерина оказалась в подвале и рухнула на битый кирпич. Ее джинсы и блузка превратились в лохмотья, а кожа на открытых местах покраснела и покрылась багровыми язвочками. Девушка чувствовала, что жизнь вытекает из тела подобно воде из дырявой бочки. Чтобы встать на ноги, Кате пришлось доползти до стены и вцепиться в нее руками. В расщелинах между кирпичами осталось несколько ногтей, покрытых розовым лаком. Окаймленные покрасневшей кожей глаза впились в узкую щель, за которой бесповоротно угасал день.

Спотыкаясь на каждом шагу, девушка двинулась к выходу. Счет уже шел на десятки сантиметров. Шуршание мусора под ногами отдавалось в голове тупой болью.

В ту секунду, когда рука Катерины коснулась металла двери, болезнь, разлившаяся по телу, достигла мозга. Подвал завертелся с нарастающей скоростью, а его земляной пол встал на дыбы и ударил девушку в лицо. Осколок кирпича врезал-

ся в подбородок, оставив на нем глубокую рваную рану.

Катя боли не ощутила: к этому моменту она с головой погрузилась в холодные волны беспомыслия.

Обмякшее тело рухнуло на жесткое ложе кирпичных осколков. Темный провал лаза выплюнул в подвал последнюю, смешанную с клубами пыли вспышку неземного света. По стенам зазмеились узкие трещины и замок содрогнулся в последний раз.

Когда все стихло, вход в тоннель исчез. Осевшая стена отсекла от мира живых людей мрачное жилище идола с выпученными глазами.

Фонарь теперь валялся на земле, освещая грязные ботинки парня, который задумчиво водил указательным пальцем по гладко отполированному круглому камешку. Иногда юноша наклонял голову, будто прислушивался к чьему-то голосу. Губы идола не шевелились, но он говорил. Лающие и хлесткие, как удары кнута фразы произносились на древнем, давно позабытом языке. Однако слушатель все понимал. Переводчиком служил амулет, работавший подобно антенне и передающей извращенные мысли каменного мозга. Идол не обещал одарить своего слугу всеми мыслимыми и немыслимыми благами, просто требовал беспрекословного подчинения, что уже само по себе являлось наградой.

На испачканном в земле лице юноши играла безмятежная улыбка. Для него уже не существовало тайн. Понятия времени и пространства потеряли всякий смысл. Все было пре-

дельно просто и ясно. Божество древних славян именовало себя Зничем, Повелителем погребального огня.

Он был прекрасно осведомлен о том, что творится наверху. Достижения человеческой цивилизации вызывали у Знича прилив первобытной радости.

Те, кто в далекие времена именовал его Тармагурахом и укладывал на каменный алтарь визжавшие от ужаса жертвы, давно истлели и рассыпались в пыль. Зато их потомки овладели многими видами энергии, способной созидать и сокрушать. Повелитель погребального огня собирался в очередной раз выйти из темноты и прокатиться по Земле неистовым ураганом, пожиная обильный урожай жизней.

– Крошиб тармагур – р-рах!!! – рывкнуло в мозгу новоиспеченного жреца Знича.

– Крошиб тармагур-р-рах! – повторил парень таким тоном, будто произносил «Аминь».

Он поудобнее устроился на каменном сиденьи и приготовился ждать. Ждать, сколько того потребует Хозяин. Свет фонарика тускнел, пока не умер окончательно. Древнее капище погрузилось в привычную для него темноту.

## 2

По жестяной крыше замка монотонно стучал апрельский дождь. Чудом выбравшийся из подземной западни юноша, прихрамывая, брел по узкому мостику, переброшенному через замковый ров. Босая нога оставляла на деревянном настиле кровавые следы. Парень добрался до шоссе и, не обращая внимания на гудки автомобилей, перешел на противоположную сторону дороги.

Прохожие машинально опускали зонты и смотрели на субъекта в одной кроссовке и подозрительным мокрым пятном, которое расплзлось вокруг ширинки потертых джинсов. На бледном лице дико поблескивали глаза сумасшедшего. Недавнее происшествие превысило запас мощности предохранителя в мозгу Дениса Мальченко. Сработала защита, которая укутала подсознание подростка в непроницаемый кокон безумия.

За сотни километров от старого замка, на пульте управления четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС тревожно замигала красная лампочка. Оператор, щелкнул по лампочке пальцем, но мигание не прекратилось. Пришлось снять трубку телефона, на дисплее которого высвечивалась дата. Приближалась полночь 25 апреля 1986 года.

### 3

Старушка Никитична несмотря на почтенный возраст и плохое зрение, могла бы соперничать в умении наблюдать и логически оценивать увиденное со Штирлицем.

Наверное, поэтому восьмидесятитрехлетняя Зинаида Батракова была ходячей энциклопедией городских сплетен. Причем емкостных возможностей ее цепкой до чужих тайн памяти не знал никто.

Первый и последний мужчина Никитичны, проскользнув кометой в далеком тридцать пятом оставил ей только ребенка и яркие воспоминания о ночи, проведенной в сумбурных объятиях на сухих листьях городского парка, в нескольких метрах от танцплощадки, где и завязалось роковое для Зиночки знакомство.

Уже через неделю после акта лишения провинциальной простушки девственности, питерский комсомолец-доброволец затерялся на бескрайних просторах страны. В течение месяца Батракова получала от любимого письма, становившиеся с каждым разом короче. Она собиралась сохранить эти листки, чтобы потом доказать копошившемуся во чреве ребенку факт существования отца, но дитя умерло так и не родившись. Беременная Зина надорвалась на строительстве важнейшего на то время городского объекта – детского дома-интерната. На всю жизнь осталась синим чулком, по-

сколькx возненавидела всех представителей рода человеческого, носивших штаны.

Никитична честно заработала свою малярно-штукатурную пенсию, и жила в маленьком домике на окраине города. Последнее обстоятельство очень расстраивало деятельную старушеницу. За новостями, которые в дальнейшем перерабатывались в сплетни, Никитичне приходилось таскаться за тридевять земель.

Ее согбенную фигурку с неизменной клюкой в руке можно было видеть в самых неожиданных местах. Старуха исчезала так же быстро, как и появлялась, оставляя за собой шлейф недомолвок и иносказаний. Все они, как правило, сводились к тому близлежащие леса заповолонили косматые фашистские недобитки, правительство страны вступило в сговор с нечистой силой, а конец света наступит никак не позже будущего понедельника.

Май 1986 года был настолько богат на новости, что поверг в шок даже выдающую виды Никитичну.

– Ишь, ироды, чего натворили! – трагическим полупшепотом вещала бабка седым подружкам. – Они уже за атомные станции взялись!

Обобщение «они» подразумевало всех, в ком Никитична видела потенциальную угрозу обществу: начиная от американского президента и заканчивая не идущими на плодотворный контакт соседями Олегом и Еленой Мальченко. Общение с ними ограничивалось короткими приветственными

ми кивками. После загадочной истории, приведшей к смерти Кати Фроловой и сумасшествию соседского мальчишки, главным объектом внимания Никитичны стал дом Мальченко.

Старушка проводила у окна все дни напролет, а так как страдала бессонницей, то и большую часть ночей. К великому разочарованию Никитичны не происходило ничего. Просто в одночасье изменились Олег и Елена. Столкнувшись с бедой, они осунулись и передвигались так, словно каждый шаг давался им с большим трудом.

Иногда бабка видела Дениса, которого родители бережно усаживали на лавку перед домом. Подросток просто сидел уставившись в одну, видимую только ему точку. Его грудь равномерно вздымалась, а губы шевелились так, будто Денис шептал молитву. Потом сумасшедший покорно шел в дом вслед за родителями и все повторялось на следующий день.

Стрелки старых ходиков показывали половину одиннадцатого, когда Никитична водрузила на нос очки. С подоконника были убраны цветочные горшки, а их место заняли кружка чая и тарелка с печеньем.

Устроившись на табурете, бабка приготовилась к тому, что в этот вечер опять не увидит ничего интересного. Она сделала глоток чая. Рука Никитичны потянулась к тарелке, но замерла в воздухе. Еще секунду назад, в этом Батракова готова была поклясться всеми святыми, крыльцо дома Мальченко было абсолютно пустым, а теперь там неподвижно стоял человек одетый в черный плащ. Бабка сняла очки и протерла стекла уголком платка. Времени на эту процедуру ушло совсем ничего, но нескольких секунд хватило на то, чтобы крыльцо опять стало пустым. Или нет? Наблюдательница подалась вперед так резко, что едва не уткнулась носом в стекло. Ее многодневное усердие было наконец-таки щедро вознаграждено. Рыжий соседский пацан впервые вышел на улицу без родителей!

Никитичну распирало от любопытства, а отсутствие бинокля делало ее самым несчастным разумным существом в ближайших галактиках. Бабуля видела прямоугольный предмет, который держал в руке Денис, но никак не могла взять в толк, чем он может быть.

Юноша долго стоял у калитки, а затем крадучись двинулся к ближайшему углу дома.

Теперь стало понятно, что парнишка тащит канистру. Думать, что там находится безобидная вода, мог только полный идиот. Денис плеснул из канистры на бревенчатую стену дома и двинулся к следующему углу.

Через минуту Никитична была готова выйти на улицу. Мысленно она уже редактировала свой завтрашний рассказ, главной героиней которого была сама. Она поведает всему городу историю о том, как спасла несчастных соседей от их сыночка-пиромана!

Никитична уже взялась за дверную ручку, но замерла и повернулась к окну. Соседский дом полыхал так, словно был сделан из бумаги. Он был охвачен невиданным зеленым с примесью желтизны огнем.

У старухи сразу пропало всякое желание выходить на улицу. Она вновь и на этот раз очень отчетливо видела человека в черном, который наблюдал за пожаром.. Незнакомец повернулся лицом. Из-под складок капюшона блеснули глаза. Несмотря на расстояние, старушка почувствовала, что человек видит ее.

Повинуясь инстинкту самосохранения, Никитична отвела взгляд. Однако и мимолетного контакта было достаточно для того, чтобы поставить ее жизнь под угрозу. Старушка сообразила это и решила предпринять все доступные меры предосторожности. Она бросилась к массивному сундуку и

окинула его крышку. На самом дне, среди множества нужных вещей и годного только для утиля тряпья у Никитичны были припрятаны несколько свечей. Они были быстро расставлены по комнате. Сломав непослушными пальцами уйм-свечек, бабка зажгла свечи и застыла в ожидании.

В коридоре скрипнула дверь, в такт легким, почти невесомым шагам колыхнулось пламя свечей. Никитична застыла на середине комнаты, залитой зеленовато-желтым заревом. До этого момента она была уверена, что испытала в жизни все, но теперь поняла, что самое страшное у нее впереди.

Бабка обернулась к пыльной иконе, висевшей в углу, но и оттуда спасения ждать не приходилось. Вместо строгого лица святого с образа смотрела ухмыляющаяся харя, длинный розовый язык которой блестел от слюны. Никитична даже не услышала, а скорее почувствовала: существо уже находится в комнате.

– Приветствую тебя, о мудрая старая вешалка! – прошелестел тонкий голосок за спиной. – Все никак не угомонимся? Все шпионим за соседями?

– Уходи! – не оборачиваясь, прошептала Батракова. – Никто не звал тебя сюда. Сгинь!

– Таких, как я, вообще никто не зовет. Мы приходим без приглашения. Когда кому-то время подышать... Тармагурах, Никитична! Я хочу, чтобы твои последние минуты были приятными. Ты заслужила короткое свидание с юностью. Обернись!

Старушка не собиралась подчиняться тонкоголосому монстру, но неведомая сила повернула ее вокруг собственной оси так, что конец клюки прочертил на полу правильную окружность, края которой задымились и обуглились от сильного трения.

– Зина?!

У двери стоял молодой человек с закатанными до локтей рукавами сорочки. Так одевались в далеких тридцатых. Стены комнаты расступились. Пронзительно взвыли трубы духового оркестра. Музыканты, одетые по утесовской моде, старались изо всех сил. Никитична поняла, что стоит в городском парке времен своей молодости. На танцевальном пяточке кружились пары, но при появлении Батраковой они расступились. Зинаида увидела, что ее рука больше не сжимает клюку, а вместо теплой старушечьей безрукавки она одета в легкое ситцевое платье.

Парень приблизился и улыбнулся.

– Потанцуем?

Где-то в глубине души Батракова понимала, что стала жертвой иллюзии. Но уж слишком белозубой была улыбка молодого человека, слишком нарядными были люди, которые выжидаяще отступили к краям танцплощадки.

Зиночка, в которую превратилась Никитична, кивнула и тут же почувствовала на своей талии руку кавалера. Под аплодисменты окружающих пара закружилась в танце. Навязчивый мотив все ускорялся, блеск труб оркестра слепил гла-

за, а пьянящий аромат прелых осенних листьев заставлял забыть обо всем, кроме глаз партнера по танцу.

Огонь добрался до балок потолочного перекрытия. Крыша дома Мальченко провалилась внутрь, выбросив фейерверк зеленых искр. Старая сплетница Никитична, отбросив клюку в одиночестве кружилась по комнате, натываясь на мебель. В одном из танцевальных па она задела рукой настольную лампу и теперь давила ногами острые осколки стеклянного плафона. Глаза бабки были пустыми, как окна дома, в котором погасили свет, а губы раздвинулись в улыбке, обнажившей бледные, беззубые десны.

Грохот барабана заглушил вой труб. Танцевальный пяточок превратился в круглую, каменную площадку. Вместо деревьев городского парка ее обступали лишенные растительности островерхие скалы. Дикие звери, рыскавшие по узким тропинкам, жалобно подвывая, бежали прочь от зловещего грохота, который был слышен и далеко внизу. Бородастые, укутанные в звериные шкуры люди испуганно смотрели вверх и, повинувшись приказам своих вождей, покидали обжитые стоянки.

Те, кто когда-то был их соплеменниками, теперь иступленно молотили суковатыми дубинками по деревянным колодам и выли, чтобы умиловить безжалостного бога.

Почувствовав между ног липкую теплоту, Никитична наклонилась, чтобы взглянуть на то, что мешает ей танцевать.

Ситцевое платье насквозь пропиталось кровью, а на испещренные красноватыми прожилками камни вывалился бесформенный комок плоти. Выкидыш зашевелился. На сморщенном, испачканном в крови личике раскрылся темный провал рта. Зина наклонилась, чтобы поднять младенца, но ее грубо оттолкнул недавно еще такой галантный партнер. Белую сорочку на нем сменил наряд из птичьих перьев и рогатого черепа быка на голове. Белозубая улыбка осталась, но теперь стало заметно, что она нарисована специальной глиной. Верховный жрец подхватил младенца на руки и, торжественно подняв над головой, понес к каменному алтарю.

Бешенный грохот деревянных барабанов достиг своего апофеоза и заглушил влажный шлепок, с которым тельце упало на холодный камень. Первобытные музыканты продолжали бить в барабаны, не обращая внимания на то, что от резких движений их плоть начинает отслаиваться, обнажая кости. Теперь каменный алтарь Знича-Тармагураха окружала толпа скелетов. Жуткие создания, приплясывая, приближались к каменному идолу в углу площадки. В своем иступленном танце они теряли берцовые кости и выскочившие из суставных сочленений части скелета. Вскоре всю площадь капища покрывал толстый слой костей, которые на глазах истлевали и рассыпались в пыль.

Через расщелины в безмолвных скалах подул холодный ветер, окончательно очистивший каменную площадку. Она покрылась трещинами и обрушилась, вместе с каменным

идолом. Не стало деревянных колод-барабанов, смолкли звуки труб, исчез парк и кружившиеся в довоенном вальсе пары. Осталась только маленькая комната, где среди перевернутой мебели, на крошечке стекла лежала мертвая старуха.

## 6

На сведенном судорогой смерти лице Никитичны мелькали синие сполохи проблесковых маячков двух пожарных автомобилей. Упругие струи воды врезались в нагромождение полыхающих бревен. Огонь со злобным шипением затухал.

К середине следующего дня из-под завалов были извлечены два обугленных трупа Олега и Елены Мальченко. Их сумасшедшему сыну, судя по всему, удалось спастись.

Труп Никитичны обнаружили только спустя два дня. Страшный беспорядок в доме вызвал определенные подозрения, но вскрытие констатировало обширный инфаркт и слухи о странностях, которые сопутствовали смерти бабки, постепенно затихли. Районная газета ограничилась небольшой заметкой, проиллюстрированной фотографией развалин дома Мальченко. На заднем плане при желании можно было разглядеть избенку Никитичны.

Старушки, обряжавшие Батракову в пахнущее нафталином платье, заметили круг с обуглившимися краями и единогласно решили, что старушка по забывчивости поставила на пол раскаленный чугунок из печи.

Нехитрый скарб бабки Зинаиды достался организаторам ее похорон. Окна маленького домика заколотили досками, а местные ребяташки, всегда готовые влезть в заброшенные дома, почему-то обходили жилище Никитичны сторо-

ной. Двор зарос сорняками, рубероид крыши потрескался и свисал уродливыми лохмотьями, а солнце выбелило доски и бревна до цвета костей скелета, который никто не удосужился зарыть в землю.

Отбросив ставший бесполезным «калаш», Сергей Тихонов перебежками добрался до бронетранспортера и прижался спиной к разогретому солнцем металлу. Пули взметнули фонтан пыли у самых ног сержанта.

Сергей провел кончиком языка по растрескавшимся губам. Еще двадцать минут назад их колонна самоуверенно пожирала километры пыльной афганской дороги. Тихонов до коликов в животе хохотал над анекдотами, которые рассказывал всеобщий любимец Артур Мамедов. Смуглый от природы юноша за год службы под афганским солнцем загорел до черноты, а его ослепительно-белые зубы постоянно обнажались в улыбке. Артур имел неисчерпаемый запас шуток, которыми веселил всю роту. Казалось, ничто на свете не заставит стать его серьезным.

Взрыв головного бронетранспортера совпал с раскатами хохота, вызванного очередной шуточкой Мамедова. Десантники бросились врассыпную, но пули не дали большинству добежать до спасительного кювета.

То, что происходило дальше, нельзя было назвать боем. Это была бойня. Сергей помнил, как добрался до противоположной стороны дороги и беспорядочно палил по кустам, в которых прятался невидимый противник. Раскаленный ствол автомата обжигал пальцы. Поначалу Тихонов пы-

тался выполнять свои обязанности и до хрипоты орал, отдавая бесполезные приказы. Вот только командовать было некем. Большая часть подчиненных была убита, а те, кто выжил находились в состоянии животного ужаса. Сержант не сразу понял, что израсходовал все патроны и продолжал давить на курок побелевшим от напряжения пальцем. После, каким-то чудом смог пересечь дорогу в обратном направлении и укрыться за бронетранспортером. Треск автоматных очередей постепенно смолкал. К вони горячей резины, примешивался приторный, ни с чем несравнимый запах свежей крови.

Сергей осторожно высунул голову и увидел «духов», которые, уже не прячась, выходили из своих укрытий. Безоружный сержант прижал ладони к потному лицу. Гортанная речь врагов слышалась все ближе, а Тихонов размышлял над тем, убьют ли его на месте или возьмут в плен. Из задумчивости его вывел тихий стон. Только теперь Сергей увидел в нескольких метрах от себя Артура Мамедова. Тот полулежал, привалившись спиной к колесу и, прижимал руки к вспоротому осколком животу. Из-под растопыренных пальцев торчали розовые внутренности. Артур взглянул на сержанта замутненными болью глазами.

– Я умираю, Серый?

– Да, – лгать не было смысла.

– Девушка. Понимаешь, командир, эта девушка, – покачал головой Мамедов. – Она служит ему...

Только когда Артур перешел на родной узбекский язык, стало ясно, что он бредит. Лицо балагура и весельчака стало пепельно-серым.

– Какая девушка?

Потерявший сознание Мамедов не ответил, а взгляд Сергея скользнул по выгоревшим добела горам. Резко контрастируя с однообразным фоном, в нескольких сотнях метров от дороги розовело платье Кати. Девушка стояла на узком каменном выступе, приветливо махала Сергею рукой и, судя по всему, не осознавала опасности.

– Уходи! Прячься, Катька!!!

Вопль Тихонова достиг ушей девушки и на ее лице появилось выражение недоумения. Катя неуверенно двинулась вперед, но каменный уступ под ее ногой начал крошиться и осыпаться. Сергей вскочил, чтобы броситься на помощь, но вместо этого рухнул лицом в горячий песок. Афганец в короткой безрукавке, сваливший Тихонова ударом автоматного ствола, утробно заржал и пнул сержанта ногой.

– Джафир!

## 8

В коротком слове, воплощалась вся ненависть и презрение детей гор к неверным. Сергей впал в странное состояние. Он отчетливо видел бисеренки пота в складках кожи, склонившихся над ним врагов. В тоже время чувствовал острую необходимость поразмышлять на религиозные темы. Почему, например ни один из великого множества богов не в состоянии прекратить религиозные распри? С какой такой стати Христос, Магомет и Будда не пытаются оспорить друг у друга пальму первенства и доказать своим приверженцам, что избранный ими путь – единственно верный? Откуда такая индифферентность и скупость на знамения?

Вот, кстати и прекрасный шанс расщедриться христианскому богу! Один из моджахедов уже передернул затвор автомата. Мозг Сергея отправил на небеса телеграмму-молнию с прошением экстренного чуда. Несмотря на трагизм ситуации, Тихонов улыбнулся: даже на пороге смерти он не верил в существование рая, ада и всяких там седьмых доказательств. Старик Кант...

Раскаленное солнце внезапно потухло, а тело Сергея обдало ледяным холодом. Афганцы исчезли. Тихонов уже не лежал на песке, а стоял среди бескрайней снежной равнины. Он поднял глаза к покрытому перистыми облаками небу.

– Я умер?

– Ты просил знамения и получишь его, – прошептал холодный ветер. – Вопрос только в цене.

– Жизнь не имеет цены...

– Все имеет цену! – прошуршал поднятый ветром снег. – Особенно для того, кто просит для себя, забывая о ближнем.

– Артур?

– Изначально ты повел речь о себе, поэтому не отвлекайся, – закружились в хороводе кристаллы снежинок.

– Я сделаю все, что потребуется.

– Говори: попытаюсь!

Кожа вновь ощутила жар афганского солнца. Тихонов открыл глаза и увидел, как ствол направленного в его грудь автомата, резко дернулся вверх. На белой рубахе моджахеда стремительно расплывалось алое пятно. Сергей обернулся, чтобы в последний раз встретиться глазами с взглядом Артура. Тот выронил автомат, ствол которого еще дымился и задергался, прошитый роем кусочков свинца. Песок на дороге взметнулся вверх и лицо умирающего друга заслонила серая стена.

– Просил за себя, – прохрипел Тихонов, теряя сознание.

## 9

Сергей уронил голову на мокрую от пота подушку. Его пальцы яростно скручивали в жгут простыню. Волна ночного кошмара выбросила бывшего воина-интернационалиста в его собственную спальню.

Из легких вырвался хриплый вздох облегчения. Тихонов сел на кровати и взглянул в окно, за которым занималось серое марево рассвета.

Подсознание почему-то выплеснуло наружу события пятнадцатилетней давности. За месяц до демобилизации сержант срочной службы Тихонов действительно попал в переделку, едва не стоившую ему жизни. Не подоспей вовремя наши «вертушки», он бы получил бы причитающуюся порцию свинца. Вертолеты были вызваны по рации, и никто, кроме самого Сергея, этому не удивился. Только Тихонов был свидетелем того, как пресловутую рацию вдребезги разнес первый же выстрел из засады.

Сон до мельчайших подробностей воспроизвел события того страшного дня, если не считать двух исключений: Артур Мамедов не упоминал перед смертью о девушке, а Катя Фролова не могла стоять на узком выступе каменной горы. В апреле 1986 года, когда Тихонов заключал свою сделку с Богом, эта девушка была уже мертва. И хоронили ее не в розовом платье, с белыми кружевами на коротких рукавах, а в

пышном подвенечном наряде.

Платье запомнилось Сергею по вечеру его проводов в армию. Розовое платье, которое призывно натягивалось на груди восьмиклассницы. . .

Тихонов помнил гладкую наощупь ткань и влажные губы, в которые он впивался жадными поцелуями. Где-то далеко, в параллельном мире из динамиков доносилось завывание Удо Диркшнайдера и топот подвыпивших дружков. Катя и Сергей стояли под раскидистой липой во дворе и нашептывали друг другу любовную чепуху.

Тихонов наизусть помнил последнее письмо Кати. Когда она писала восторженные строки об окончании школы и своем намерении поступать на истфак, над ее головой уже витала тень смерти. Сергей тысячу раз искал разгадку гибели девушки в ее последнем послании и не находил ни малейшего намека на ответ.

Единственный свидетель трагедии Денис Мальченко превратился в круглого идиота, поджег родительский дом и теперь иногда появлялся в городе, а временами надолго и неизвестно куда исчезал. О происшествии в подвале замка местные жители говорили крайне неохотно. Ходили слухи о загадочной болезни, которой Катя заразилась в подвале. Но что это за болезнь, которая за считанные минуты может убить абсолютно здоровую, семнадцатилетнюю девушку?

Болтали даже о монстре, которого школьники освободили из замкового подвала и которого иногда видели в безлунные

ночи. Очевидцы заявляли, что это существо в черной хламиде с широким капюшоном не имеет лица, а его появление предвещает большие несчастья.

Тихонов прошел в душ и включил воду. Стоя под ее упругими струями, он размышлял про то, о чем его хотел предупредить погибший сослуживец.

Утро выдалось хлопотным. В редакции районной газеты готовился к отправке очередной номер. По коридору снова ли журналисты, ныли посетители, которые жаждавшие разместить объявление непременно в ближайшем из всех ближайших номеров. Они доказывали свою правоту с такой горячностью, будто несколько строк о «продаже дома с надворными постройками» могли спасти мир от неминуемой катастрофы.

Тихонов никак не мог сосредоточиться на правке своей статьи, клеймившей позором колхозы, испоганившие светлую идею своевременного вывоза на поля коровьего дерьма. Вдобавок ко всему зазвонил телефон.

– Отдел писем...

– На минутку ко мне загляни, Серега.

Усталый голос главного редактора и его, не терпящий возражений тон, заставил Тихонова усмехнуться. Олег Семенович Баглай варился в журналистском котле больше тридцати лет и был тонким дипломатом. Кто-кто, а этот старый газетный волк знал, когда выпить с подчиненным рюмку, а когда и сделать начальственное внушение.

Откинувшись на спинку вращающегося стула, Баглай поигрывал очками в роговой оправе.

– Придется тебе, Сергей этими чертовыми сектантами за-

няться. В песочнице детского сада ночью свечи жгли. Те, кто их видел, говорили, будто гуляли, в чем мать родила. Утром милиционеры тринадцать огарков нашли.

– Так почему эти чудаки до сих пор не в кутузке?

– А что им предъявить? Причастность сатанистов к погрому на кладбище доказать нельзя. Танцы голыми при луне? – Так они никому не мешали.

– Значит, милиция сатанистов за шкуру взять не может, а после моей писанины они во всем покаются? Вам самому не смешно, Олег Семенович?

– Наше дело маленькое, Тихонов. – Баглай нацепил очки и развернул газету, показывая, что разговор окончен. – Скажи писать, значит, будем писать и баста! Свяжешься с новым заместителем начальника РОВД, главой криминальной милиции. Игорь Михайлович, кажется...

Секта дьяволопоклонников появилась в маленьком райцентре несколько месяцев назад. Возглавлял ее сверстник Тихонова, местный предприниматель Марат Чашников. Сергею было неприятно впутываться в историю с сатанистами уже потому, что Марат в одно время с ним служил в Афганистане, имел награды и серьезную контузию.

Возможно, последнее обстоятельство и повлияло на религиозные убеждения Чашникова. Поначалу он был ревностным прихожанином церкви христиан-баптистов, пока в один прекрасный день не объявил себя слугой Антихриста и не создал свою собственную церковь. Адептами Марата стала

разная городская шваль, преимущественно молодежь, которая никак не могла справиться с разбушевавшимися гормонами.

Чашников имел далеко идущие планы. Он даже пытался официально зарегистрировать общину, но получил категорический отказ властей. Поняв, что слава Хаббарда ему не светит, контуженый «афганец» ограничился пылкими выступлениями на еженедельных собраниях сатанистов.

Скандал разразился после погрома на городском кладбище, устроенного неизвестными вандалами. Люди, пришедшие навести порядок на могилах перед Пасхой, увидели поваленные памятники, вывороченные из земли кресты и экскременты на могильных холмиках. Никто не сомневался в том, что осквернение кладбища дело рук отморожков Чашникова. Однако Марат отвергал все обвинения и, в свою очередь, обвинял горожан в необоснованной клевете.

Тихонов остановился перед высокой, обитой дорогим дерматином дверью, оценил привинченную к ней позолоченную табличку.

Сергею доводилось встречать начальника местных оперов на исполкомовских совещаниях. Гончаров не произвел на него особого впечатления. Хорошо подвешенный когда это требуется, язык, безупречно белая сорочка и тщательно подобранный в тон пиджаку галстук – вот все, что запомнилось.

– Да, – раздалось за дверью. – Входите.

– Здравствуйте, Игорь Михайлович. Я – Тихонов из редакции. По поводу...

– Присаживайтесь, Сергей Александрович, – сыщик встал и через массивный, заваленный бумагами стол, протянул журналисту руку. Своим внешним видом вы ломаете мое представление о журналисте районной газеты.

– Вообще-то я – инженер – механик, – пожал плечами Тихонов. – В редакцию попал случайно. Отработал в заводской многотиражке семь лет, потом потянуло на Родину. Здесь уже год. Не знаю, много ли нашла в моем лице журналистика, но, что не ничего не потерял завод – это точно.

– По сути, мы одного поля ягоды. Между прочим, меня за глаза Эркюлем Пуаро величают.

Сергей не смог сдержать улыбки. Наголо бритая голова Гончарова действительно напоминала непрменный атрибут убранства героя Агаты Кристи. Вот только ладная фигура и кошачья грация сыщика выгодно отличали его от маленького усатого бельгийца.

– В восемьдесят шестом поступил на истфак, – продолжал Игорь Михайлович. – Мог бы сейчас учительствовать, но пришлось пойти по административной линии – вмешался Чернобыль... Потом вновь – зигзаг судьбы. Школа милиции, академия. Мотался по области, год назад добился перевода сюда. Я ведь из этих мест, хотя коренным жителем меня назвать нельзя. Помните детский дом, который закрыли в восемьдесят седьмом? Перед вами – один из его воспитанников. Впрочем, вернемся к нашим баранам. Хотя Чашникова бараном назвать нельзя. Доводилось слышать его проповеди?

– К сожалению, нет, – Сергей мотнул головой. – А может, к счастью...

– Есть тут у меня одна занимательная кассетка. Записал на диктофон наш сексот.

Опер порылся в столе и вставил кассету в новехонький музыкальный центр.

– Братья! – донесся из динамика экзальтированный мужской голос. – Что есть наша жизнь, как не вечный страх? Мы боимся завтрашнего дня, боимся смерти, а лживые попы призывают нас бояться еще и карающей длани Господа!

В случае слушания нас пугают геенной огненной и вечными муками в загробной жизни. Я же говорю вам: после смерти никто не увидит ни рая, ни ада! За той чертой их не существует. Ад и рай находятся здесь, на земле! И перед нами стоит очень простой выбор. Можно усердно бить поклоны и поститься, чтобы затем превратиться в кусок падали, а можно взять от жизни все сегодня и сейчас! Сегодня и сейчас!

Гончаров надавил клавишу, и речь Чашникова оборвалась.

– Самое страшное в том, что Марат искренне верит в свое учение. А тут еще контузия...

– Понимаю. Трудно предсказать, что натворит Чашников, если у него окончательно поедет крыша.

– Может быть, своей публикацией вы заставите бывшего сослуживца перестать заниматься ерундой.

– Для начала хотелось бы увидеть Марата во всем блеске.

– Проблемы, в принципе нет. По моим сведениям Чашников будет толкать речь в ближайшее воскресенье, что-то около полуночи. Они соберутся в старой синагоге, но соваться, туда не советую. Во-первых, там будет несколько моих коллег из РОВД, которые отследят ситуацию, а во-вторых... Неизвестно, как поведут себя дьяволопоклонники, если увидят, что на их шабаш затесался журналист. Я буду держать вас в курсе событий.

Сергей направился к выходу, но, взявшись за дверную ручку, остановился. Гончаров оторвался от бумаг на своем

столе.

– Что-то еще?

– Так, мелочь. Вы сказали, что провели детство в наших местах.

– Все верно.

– Значит, могли знать Катю Фролову.

– Ее школа шефствовала над нашим домом-интернатом. Катя даже была прикреплена ко мне, как к трудному подростку, – сыщик усмехнулся. – Все мы, знаете ли, в свое время были трудными. А почему вы о ней вспомнили?

– Мы с Катей... В общем, она ждала меня из армии.

– Понимаю. Жуткая, загадочная смерть.

– Да. А толку от того, кто был с ней в том чертовом подвале, уже не добьешься. Надежды на то, что к Мальченко вернется разум, нет. Единственный свидетель...

– Тут вы ошибаетесь. Лично я считаю, что в подвале был третий человек. И этот третий прекрасно себя чувствует.

Мужчина, склонившийся над шахматной доской, задумчиво постукивал пальцем по ее краю. Выстроившиеся фигуры освещались только светом луны и отбрасывали на доску продолговатые тени. В комнате не было мебели и человек сидел прямо на полу. Вся сцена напоминала картину Сальвадора Дали.

Прошло больше десяти минут, прежде чем рука мужчины потянулась к белой пешке. Первый ход был сделан и человек вновь принялся монотонно постукивать пальцем по доске.

Черная пешка сдвинулась со своей клетки без посторонней помощи, словно ее подтолкнули сильным и точным ударом невидимого кия. Последовал ответный ход и, вновь черная фигура поменяла первоначальное положение, повинувшись руке невидимого игрока.

– Довольно занимательная игра. Мне интересно.

Низкий, бесстрастный голос напоминал шелест сухих листьев. Выговаривая эту фразу, мужчина закрыл глаза. Он остался сидеть в той же позе, но каждый мускул его тела напрягся, будто натянутая струна. Несколько секунд тишину в комнате нарушал только стук дождевых капель по оконному стеклу. Наконец человек поднял руку, коснулся изогнутой шеи шахматного коня и тут же отдернул пальцы. После раздумий был сделан осторожный, без лишнего риска ход пеш-

кой. Черный ферзь выдвинулся вперед на две клетки.

– За эти годы я многому научился у тебя, – опять начал чрево вещать шахматист. – Но в человеческом языке, как и раньше, не хватает слов. Траудворг!

– Тот взрыв на атомной станции, Повелитель... Я уже в то время служил тебе.

– Забудь о нем. Хрошем! – черная ладья скользнула по шахматной доске. – Лично ты для этого ничего не сделал. Рартемод! Да люди умирали, как мухи! Мой холодный огонь проникал в их тела и пожирал изнутри. Погребальное пламя Великого Знича и сейчас пляшет по их пожелтевшим костям!

Белый слон атаковал фланг черного шахматного воинства, а конь противника, на мгновение, зависнув в воздухе, опустился на клетку, окруженную вражескими пешками.

– Так и должно быть, Хозяин. Но мне хотелось бы стать чем-то большим, чем просто человеком...

– Тебе представится такой шанс. Прошло пятнадцать лет и небесные светила заняли нужное положение. Мне надоело питаться падалью. Я хочу дотла выжечь этот городишко и двинуться дальше. Очертание материков сильно изменились, и будет интересно взглянуть на агонию тех, кто заселяет далекие земли. Крошиб!

Шахматная дуэль шла своим чередом, причем чаша весов склонялась на сторону белых. Рядом с доской уже стояли несколько вышедших из игры черных фигур.

– Я сделаю так, что их кожа покроется язвами, которые будут лопаться и сочиться желтой слизью, – по тону Знича чувствовалось, что он смакует каждое слово. – Ноги и руки распухнут и станут похожими на колоды. От нестерпимой боли люди станут выдавливать себе глаза. Слепые прозреют только для того, чтобы увидеть самый величественный из ликов смерти. Крошиб Тармагур-р-ах!

– Что должен сделать я? – человек сделал новый ход.

– Тебя и других направит длань того, кто был древним еще во времена Иешуа из Назарета. Рартемод! Того, кто был старым до того, как первый из фараонов воздвиг свою пирамиду. Для меня не существует тайн! Жители этого города принесут себя мне в жертву, а ты поможешь им в этом, организовав небольшой взрыв. Смотри!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.